

Павел Засодимский

В подвале

Павел Засодимский

В подвале

«Public Domain»

1899

Засодимский П. В.

В подвале / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1899

«...Мороз все пуще и пуще щипал ей руки и лицо... Пройдя два переулка, Лиза остановилась на углу и стала опять усиленно озираться по сторонам – в надежде увидеть знакомый дом или какую-нибудь знакомую вывеску. Ничего нет похожего на их Воздвиженскую улицу!.. Лиза просто пришла в отчаяние. Ее голым ручонкам стало так больно, так стало колоть концы пальцев, что Лиза не выдержала и горько заплакала. А большой, тяжелый хлеб, казалось, еще более отяжелел и едва не падал у нее из рук...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Павел Владимирович Засодимский

В подвале

I

О том, что это был за подвал и кто в нем жил

В большом городе, в подвале одного высокого каменного дома жила бедная вдова с двумя детьми – с сыном и дочерью. Прежде, до смерти мужа, этой женщине жилось гораздо лучше; но вот уже два года, как мужа ее не стало, и она из маленькой, но уютной и светлой квартиры переехала с детьми в мрачный, полутемный подвал многоэтажного дома, заселенного почти сплошь бедняками.

В этой подвальной каморке было только одно небольшое оконце, да и то выходило во двор и приходилось вровень с мостовой; оно так мало пропускало света, что в подвале были вечные сумерки. Только в ясные летние дни, около полудня ненадолго в подвале становилось посветлее, но ни клочка неба нельзя было видеть из окна, и еще ни разу, с того времени, как выстроен дом, золотистый солнечный луч не пробился сюда, чтобы порадовать подвальных жильцов. В течение же полугода, – с октября месяца и по апрель, – в подвале, можно сказать, царил мрак настоящей полярной зимы, озаряемой не фантастическим светом северного сияния, но тусклым мерцающим светом маленькой, жестяной керосиновой лампы.

Дело в том, что узкий, грязный двор, куда выходило подвальное окно, со всех четырех сторон был окружен высокими каменными стенами, потемневшими от времени, и походил на колодезь – лишь без воды: только загнувши голову, можно было там, высоко, увидеть над собою клочок неба...

В этом-то неуютном, жалком подвале, лишенном света приветливых солнечных лучей и всяких удобств, жила бедная вдова, Марья Назаровна Лебедева, со своей Лизуткой и с маленьким Степой.

Налево от входа помещалась старая, истрескавшаяся плита, немилосердно дымившая в ветряную погоду. В другом углу, напротив плиты, устроилась Марья с детьми; за старой полинявшей занавеской стояла их кровать; под кровать был задвинут сундук. У окна стоял стол.

Марья Лебедева не одна с детками жила в подвале: у нее были еще квартирантки, две старушки-торговки, ютившиеся в остальных двух углах. В одном углу, направо от двери, жила селедочница Максимовна, старуха костлявая, как скелет, хмурая, ворчливая и, казалось, вся насквозь пропахнувшая селедочным рассолом. В другом углу, против нее, «квартировала» очень говорливая, веселая старушка Дмитриевна, торговавшая на улице с лотка то яблоками, то лимонами, то пряниками и леденцами, смотря по времени года.

Торговки платили каждая за свой угол по полтора рубля в месяц, так что Марье, хозяйке этого сырого и полутемного подвального помещения, приходилось доплачивать домовладельцу еще два рубля. Кроме этих двух рублей, Марье еще надо было заработать на еду, на одежду, на обувь, на покупку лекарства в случае болезни, да и мало ли еще на что... Но Марья была хорошая женщина, работящая, бодрая духом и трудилась, не унывая и не покладая рук.

Марья занималась прачечным делом; дома она стирала редко, но все больше ходила работать поденно. Она получала в день по 40 копеек и, кроме того, завтракала и обедала у тех, на кого стирала. Если месяц выдавался для нее счастливый, Марья могла заработать рублей десять-одиннадцать, И, значит, за вычетом квартирной платы у нее оставалось на все про все рублей 8 или 9. Не велики деньги при той дороговизне, какая была в «большом городе», и нет ничего мудреного, что Марья с детьми жила в большой нужде и не раз случалось, что у нее

не хватало денег для того, чтобы купить керосину или хлеба, сколько нужно. Платья у них уже давно обшмыгались, не раз зачинивались и были все в заплатках. Некоторые одежды Лизы и маленького Степы пестротой своих заплат напоминали костюм арлекина – лишь с тою разницей, что нелепый арлекинский костюм гораздо шеголеватее лохмотьев наших подвальных обитателей.

Кое-какие вещи, бывшие при муже, Марья продала, и деньги, вырученные от продажи их, были уже давно прожиты. Теперь в Марьином хозяйстве самыми дорогими предметами были самовар, медный кофейник и три утюга.

По годам Марья была не старая женщина, но горе и бедность, тревоги да заботы не красят и не молодят человека, – состарили они прежде времени и Марью. За последние два года Марья очень похудела, и лицо ее стало бледное; в русых волосах ее поблескивала седина. От горячего, сырого воздуха прачечной ее глаза – добрые, кроткие, голубые глаза – были красны и слезились, а от постоянной работы внаклонку ее спина и плечи сгорбились совсем по-старушечьи. От частого перехода из прачечной прямо на двор во всякую погоду, – в холод и ветер, Марья часто простужалась и зимою почти постоянно кашляла. Из аптеки ей давали от кашля капли датского короля, но капли ни датского и никакого другого короля были не в состоянии помочь Марье Лебедевой до тех пор, пока она торчала в прачечной над котлом и жила в сырой, промозглой подвальной каморке... Много она хлебнула горя, много бессонных ночей провела, оставшись после смерти мужа с детьми на руках и без всяких средств к жизни...

Лизе минуло шесть лет, и она замечательно походила на мать: такое же милое лицо, с таким же добрым выражением, только более нежное, и такие же, как у матери, кроткие глаза – светло-голубые, как ясное весеннее небо. Еще более, чем в лице, сходство с матерью сказывалось в ее голосе и манерах, в походке и вообще в ее ухватках.

– Ну, Лизутка! сейчас видать, чья ты дочь... спрашивать не надо! – смеясь, говорили ей знакомые.

В богатых семьях такая маленькая девочка, как Лиза, не только не помогает матери, не нянчится с младшим братом или сестренкой, но с ней-то еще нянчится какая-нибудь бонна, русская или иностранка, за ней ухаживает целый штат прислуги, иногда еще присматривает гувернантка, а высший надзор остается за отцом и матерью; такая девочка в богатой семье решительно еще ничего не работает, даже для себя ничего не умеет сделать, даже не умеет сама одеться, постлать себе постель, и все носят с ней, как с маленькой, нарядной живой куклой.

В семьях же бедных и работающих, как семья Марьи Лебедевой, дети живут совсем иначе...

Лиза, хотя ей только что исполнилось шесть лет и она была еще очень мала ростом, уже помогала матери, сколько позволяли ее детские силы. Она умела подмести каморку, вымыть посуду, нащепать лучины, растопить плиту, поставить самовар, разогреть похлебку... Правда, Лиза иногда хозяйничала не совсем ловко, – бывали с нею и несчастные случаи, но это еще не беда... Не испытывает неудач и не делает ошибок лишь тот, кто сидит, сложа руки. Один раз, например, Лиза принялась так усердно щепать лучину, что едва совсем не отрезала себе большой палец левой руки. В другой раз, снимая с плиты похлебку, она как-то покачнулась и окатила похлебкой братишку – еще, к счастью, похлебка-то была не особенно горяча и не ошпарила мальчугана. Впрочем, такие катастрофы случались редко.

Когда мать уходила на работу, Лизутка присматривала за Степой, кормила его, играла с ним; если Степа ушибался и начинал реветь, она точь-в-точь так же, как мать, старалась утешить его и, водя пальчиком по ушибленному месту, тихим, успокаивающим тоном приговаривала:

– У вороны боли, у сороки боли, а у нашего-то Степушки все зажило!

И плачущий мальчуган понемножку замолкал, начинал внимательно прислушиваться к приговорам сестры и тарашил на нее глазенки.

– А еще у кого «боли»? – лепетал Степа, с интересом следя за сестрой и смаргивая с ресниц последние капли слез.

– У кошки боли, у Жучки боли... – продолжала Лиза, иногда, если мальчик сильно ушибся, перебирая почти всех известных ей птиц и животных.

Тут уж Степа окончательно затихал и, размазав ручонкой слезы по своим грязным щекам, снова, как ни в чем не бывало, принимался за игру, по-видимому, вполне успокоенный тем, что у него заживет, а будет болеть у вороны, у галки, у волка, у зайца...

Когда Марья, усталая, возвратившись с работы, приляжет, бывало, на постель, Лизутка, по ее поручению, бежит в лавку то за тем, то за другим. А то она примется носить дрова для утренней топки, – обхватит ручонками сырое, тяжелое полено, прижмет к груди и тащит его из сеней, а сама покраснеет, запыхается. Лиза не могла унести зараз больше одного полена, а нужно было натаскать их, по крайней мере, десятка два; поэтому ношение дров происходило довольно долго. Потом еще следовало сырые дрова уложить рядком на неостывшую плиту для того, чтобы они к утру немного пообсохли.

Устанет, бывало, измучится Лизутка, но это не беда...

Смотрит она на ряды поленьев и с удовольствием думает о том, как завтра утром, когда на дворе будет еще совсем темно, а в подвале у них станет так холодно, эти дрова весело загорятся под плитой, затрещат, и мерцающим, красноватым светом озарятся серые своды их низкого подвального потолка. Тогда Лиза прямо с постели подбежит к устью плиты и с наслаждением станет греться у веселого огонька, сыплющего искры и слегка обдающего дымом...

II

Степан Иванович Лебедев и его вечерние беседы с «баушками»

Степе едва лишь минуло три года. Он слегка пришепetyвал и некоторые слова выговаривал еще так неправильно, что только мать с сестрой, да «угловые» старухи могли вполне понимать его речь. Он так же, как Лиза, походил на мать; только его волосы и глаза были потемнее, и вообще он был посмуглее сестры.

Ему жилось веселее сестры. Лиза уже разглядела в жизни немало горького, немало такого, что перед глазами Степы проходило еще совсем бесследно. Лиза уже знала, что мать работает иногда через силу, что, возвращаясь домой, мать иной раз чуть не падает от усталости, – и маленькое сердечко ее сокрушалось: ей жаль было маму.

Лиза знала, что из лавки даром ничего не дают – даже протухлой печенки для их Мурысьи; что за все нужно деньги платить, а деньги нужно зарабатывать, и достаются они с большим трудом. Она уже знала, что, если у них не будет денег, то не будет ни хлеба, ни чаю, ни дров и даже с квартиры – из этого темного, неприглядного подвала – хозяин выгонит их на улицу, хотя бы то случилось в зимнюю стужу.

А у Степы еще не было этих понятий о нужде, о деньгах, о работе, хотя и он иногда горько плакал, когда, бывало, вечером не хватало хлеба и ему приходилось голодному ложиться спать... Степа был мальчик бойкий, живой и служил немалой утехой для подвальных жильцов. Когда Степу, например, спрашивали: – как его зовут? – он с расстановкой, отчеканивая каждый слог, говорил:

– Я – Степан Иваныч Лебедев!

Он стоял, заложив руки за спину и расставив ножонки, и говорил с таким серьезным, внушительным видом, что даже ворчливая Максимовна усмехалась, глядя на него. Иногда та же Максимовна нарочно замечала ему, что он – не Степан Иваныч, а просто «Степка», и тогда мальчуган еще громче выкрикивал на весь подвал, что он именно – «Степан Иваныч Лебедев». Мальчик был очень любознателен и разговорчив и своими расспросами иногда надоедал взрослым, в особенности селедочнице Максимовне.

Однажды в сумерки, когда Максимовна только что возвратилась из своих странствований и собиралась отдохнуть, Степа приступил к ней с разговорами.

– Баушка! Где селедки живут? – спросил он.

– Известно, где... в воде живут, в море! – ответила старуха.

– А отчего они в воде живут? – продолжал Степа.

– Потому, что на земле им никак неспособно жить... на земле они задохнутся!

– Отчего? – с изумлением спросил Степа, вытаращив глазенки.

– А оттого! – пояснила Максимовна, уже начиная сердиться. – Отступись, Степка!

– А кто их, баушка, в море-то напустил? – немного погодя, опять заговорил Степа.

– Бог напустил... Кто ж больше! – проворчала Максимовна.

– А для чего Он напустил их туда? – допрашивал мальчуган.

– Для того, значит, чтобы люди их ели... Да чего ты, в самом деле, пристал? Сказано тебе: отступись!.. – окрысилась на него старуха.

– А что, баушка, селедки-то делают там... в море? – как ни в чем не бывало, продолжал Степа.

– Уйди! Сказано – уйди! – шипела на него Максимовна.

– Скажи, баушка, что они там делают? – ласково упрашивал ее Степа.

– Ну, плавают, значит, играют – тихим манером, либо заберутся между камушками и спят, а не шалят, не балуют, как ты, озорник... – сердито проговорила старуха. – Отвяжись, Степка! Убирайся!

И Степа отправлялся в свой угол или к Дмитриевне. А эта старуха никогда была не прочь покалякать и мальчика от себя не гнала. Иногда между Дмитриевной и Степой происходили очень долгие и любовные разговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.